

2 декабря 2019 года из Твери пришла ужасная в своей ошеломительности весть: после тяжелой болезни умерла прозаик и сценарист Евгения Сафонова. Ей было всего 33 года.

В 2011 г. она окончила мой семинар прозы на Высших литературных курсах Литературного института им. Горького. Это был человек, талант в котором бил через край. Да, он нуждался в творческой огранке, оправе, но само наличие его не вызывало никаких сомнений. Увы, нынешняя жизнь с ее «купи-продай» к таким, как Женя, неласкова... Я старался помогать ей в начале творческого пути, и, считаю, она блестяще дебютировала в литературе: большим рассказом «Дочь человечья» в «Литературной газете» в 2012 г. (<https://lgz.ru/article/N1-2--6353---2012-01-18-/Dochy-chelovechyya18088/>, под именем Евдокия Сафонова) и рассказом «Розы в капюшоне» в № 5 журнала «Москва» за 2013 г. (http://moskvam.ru/publications/publication_876.html). Когда-то, в советские времена, это бы стало реальной предпосылкой для начала большого литературного пути. Но... времена поменялись, появились другие «приоритеты», в которых молодые писатели не значились даже мелким шрифтом. Будучи не просто не идеалисткой, но и максималисткой, Евгения, полагаю, совершенно не вписывалась в окружающую торгашескую действительность, оттого, наверное, столь рано и покинула ее. Как я заметил, болезни к людям, отторгаемым реальностью, только прилепляются...

Но те, кто был духовно близок Евгении Сафоновой и разделял ее творческие идеалы, будут помнить ее всегда. 27 декабря 2019 г. в Союзе писателей России ЛИТО «Точки» провело Страницу памяти Евгении. Там были зачитаны воспоминания о ней, присланные из Набережных Челнов поэтом, музыкантом и прозаиком Ольгой Кузьмичевой-Дробышевской. Думаю, стоит привести их и здесь, перед рассказами Евгении Сафоновой.

Андрей ВОРОНЦОВ

О Жене

Много, к сожалению, не скажу. Мы общались только на общих лекциях, поскольку Женя училась на семинаре прозы, а я на поэтическом. Но образ Жени Сафоновой — в сердце.

Тихая. Загадочная. Умная. Рассудительная. Парадоксально мыслящая. Красивая.

Искренне скажу, любовалась красотой Жени, её большими добрыми глазами, мягкой улыбкой, густыми, тяжёлыми тёмными волосами, белой кожей... Тургеневская девушка... Всегда с интересом наблюдала за её мягкими движениями — они меня странным образом успокаивали, как и её

гибкий голос; а чуть «косолапая» походка выдавала природную стеснительность.

Одевалась Женя предельно скромно, больше в тёмное: чёрная прямая юбка, тёмный ждеперок... да я никогда и не видела, чтобы в общежитии Литинститута кто-то шикавал. Женя часто приходила к нам — мы жили в одной комнате с Викой Чикарнеевой. Девчонки — ровесницы, дружили. Я по возрасту — их мама, но никогда не чувствовала этой разницы. Мы вместе учились. Что-то обсуждали. Просто пили чай. Иногда покуривали. У нас на этаже, в гостиничном крыле, где мы с Викторией обитали, на лестничной площадке было «несанкционированное», но принятое всеми место для курения. Сигаретами не злоупотребляли — изредка баловались, воображая себя знаменитыми писательницами в писательском пансионате или доме отдыха, на балконе с видом на море или... Эйфелеву башню — да-да — Эйфелеву. Из нашего окна в общежитии была видна Останкинская, а мы видели башню парижскую: пили кофе, курили, смеялись.

Женя всегда очень внимательно, задумчиво слушала, когда я пела, иногда просила меня расчехлить гитару и что-то исполнить. Они с Викторией особенно любили «Мой домик...», «Маленькое скерцо» и песню Берковского на стихи Бродского «Колечко». Женя душой болела, что мало пишу песен, горячо выговаривала: «Оля — это твоё самое настоящее... почему ты сидишь здесь? Пиши — иди и пой». Женя и Вика так отчаянно меня вдохновляли, чтобы я каким-то образом круто поменяла жизнь, что я написала стихотворение «И я иду поющим пилигримом».

Помню, Женя пришла к нам с публикацией своего рассказа в газете, кажется «Литературной» (боюсь соврать, но точно помню газетный разворот), и буднично сказала: «Вот, опубликовали», — положила на стол, и они с Викторией ушли куда-то. А я прочла и поняла: Женя обладает своим неповторимым стилем, почерком, по которому узнают писателя, а это дано далеко не каждому. Вот и ныне я прочла рассказы, которые вы, дорогие мои точкинцы, озвучили на памятном вечере, и снова в этом убедилась: Женя — большой талант! Не могу говорить «была».

Женское имя Женя будоражило меня с детства, будучи ещё дошкольницей, я любила песню:

*Стоит средь лесов деревенька.
Жила там когда-то давненько
Девчонка по имени Женька.
Мальчишечье имя носила,
Высокие травы косила,
Была в ней веселая сила...*

Пела и плакала.
И теперь плачу.
Царствие небесное...

Евгения САФОНОВА
(1986 – 2019)

И ВСЁ СТАЛО – ВОДА

Рассказы

Человечество и хлеб

Мы делили хлеб. Нас было пятеро. И все одинаково голодные. Но каждый из нас мечтал о разных кусках. Мишка знал, что хлеб нужно раздать поровну. Яна решила взять себе меньший кусок, но чтобы больший, в ущерб ей, достался Владу. Она в него влюблена. Марат считал себя самым голодным из нас, поэтому он был уверен, что ему должен достаться самый большой кусок. Влад ни о чём не думал, он просто хотел есть. А у меня в руках был нож. И я должна была делить хлеб. Хлеб круглый, и нужно постараться, чтобы части получились более менее равными. Когда я аккуратно резала, каждый следил за моими движениями. Марат с жадностью и нетерпением – он должен был успеть отхватить своё. Яна – тоже с нетерпением, чтобы Владу достался кусок побольше. Миша очень хотел есть. Владу было всё равно, он тоже думал только о том, как бы побыстрее наполнить желудок. И каждый получил то, чего хотел.

А себе я отрезать забыла. И никто этого не заметил, потому что не мы делили хлеб, а хлеб делил нас.

И всё стало – вода

Содержание при росте количественно осложняется.

К. Леонтьев

Уже целый месяц он поднимает мне настроение по утрам. Целый месяц я встаю в семь утра и отправляюсь на работу, работа у меня интересная и не пыльная, но она изматывает. Я диспетчер в фирме по ремонту. И иногда мне приходит на ум, что я там нахожусь только потому, что мне нечем больше заняться. Да, не на этом свет клином сошёлся для меня. Но сейчас... Сейчас свет клином сошёлся на деньгах. Они нужны срочно. Вообще «сейчас» –

сильное слово. Моё любимое. Оно, конечно, не про всегдашнее «сейчас». Это слово воспитания характера, для меня отчасти недостижимое, но оно то, к чему я бесконечно, хотя и непостоянно, стремлюсь. И сейчас я хочу рассказать совсем не об этом.

Так вот, уже целый месяц, без четверти восемь, когда я иду к метро, то встречаю его. Ему лет тридцать пять. Он похож на воздушный шарик, такой же кругленький, лёгкий и вовсе не ходит, а летает. Парит по тротуару и всегда улыбается. Он смешной. У него глаза слезятся от счастья. Сначала я только обращала внимание и запоминала, потом, через неделю, уже не могла не улыбнуться в ответ.

И сны мне стали сниться такие лучезарные. Вот уже дня три, моё утро, ещё в кровати, начинается с воспоминания о детском смехе. Я ещё слышу его во время пробуждения. Мне снятся дети. Их ровно двенадцать. Они играют в саду, и за спиной у них накладные крылья из такой же материи, как лепесток. И воздух в моём сне свежий. Я когда открываю глаза, у меня такое чувство, что вышла из проветренного помещения. Встав с кровати, выпив кофе, покурив, я ещё не просыпаюсь. Выхожу из дома, иду по тротуару и ещё не просыпаюсь. А потом неожиданно встречаю его и... не могу не улыбнуться. Если сначала было внезапное пробуждение от встречи с ним, то теперь, выходя из дома, я жду его и жду того, что начну улыбаться в ответ. И когда встречаю и улыбаюсь, то не могу остановиться, улыбаюсь весь день. Оголтелая радость начинается.

А вечером я возвращаюсь с работы совершенно обессиленная, иду по тёмной улице, слушаю город. Дышу весенним, непредсказуемым миром, и думаю: чтобы ни случилось сегодня, завтра я пойду этой же дорогой и снова встречу его, может быть, здесь, на этом самом месте или на метров десять впереди, и тогда вновь буду улыбаться, и от этого тоже приходит радость.

А потом я стала замечать, что он приглядывается ко мне, что он запомнил то, что я тоже улыбаюсь ему в ответ, и меня запомнил, и эти утра он тоже запоминает. Когда он это понял, в том смысле, что он под этим понял, он вдруг перестал улыбаться. Но стал вглядываться в меня, в то, как я улыбаюсь и как я жду, чтобы он тоже улыбнулся.

Но сам он больше не улыбается.

Он встречает меня с жадой в глазах, но эта жажда серьёзная, она не позволяет ему больше улыбаться. И мне вдруг невольно хочется от него *заслониться*, вернуть его на прежнее расстояние. Это усложнение оказалось для меня нежеланным, но и вполне естественным. Я ощутила клешню страха, которая схватила меня за сердце, сжала его, и оно не может больше поставлять радость. Но я не хочу, чтобы так было.

Посмотри. Сегодня ночью туман и луна в облаках. Мне больше не снятся дети, потому что я больше не сплю.

Радость заразна. Любовь заразна. Сложность заразна. Всё заразно. Всё, как переливания от одного в другого и наоборот. Я ощутила, как на меня падает время. Секундная стрелка только была на 15-ти, а теперь уже 18, 19,

20... Женщина с бутербродом только что откусывала колбасу, и вот она уже съела сыр. Собака чесала ухо посреди тротуара, и вот она уже рыщет в кустах, *тычет* носом в землю. А луна вышла из тумана. И как будто кто-то пьяный поёт оттуда. Пьяный. Нет, нет, опьяненный. Мир, рассыпайся.

Ан нет.

Одним утром лил холодный дождь. Я была как эскимос в этом пушистом капюшоне с меховой оборкой. А мужчина-улыбка шёл под чёрным зонтом. И одежда у него помрачнела. А я уже успела привыкнуть к его бежевой куртке и белой рубашке. А теперь он весь в тёмном. Шарф с полосками как китайская лапша: синими, синими и синими и всеми поразному синими. Я увидела его первой! Я не видела его шесть дней. Почему – не знаю.

Мужчина шёл и, встречая всех прохожих, улыбался им. Как раньше мне. Он так всем, каждому улыбался. А я даже не задумывалась об этом. Он со всеми обходится так же, как со мной. Но сегодня он меня не заметил. Он наткнулся на лужу, которая была разлита как раз между нами, в том месте, где мы должны были пересечься. Он эту лужу обошёл и меня не заметил. И я почувствовала какое-то недовольство, неудовлетворение, ощущение напрасного страха, угрюмость. Прежде пугающая сложность стала теперь привлекательной.

Чем ближе я подходила к подземному переходу, тем отдалённее становился дождь. Он лил на меня, не переставая, и вся моя одежда была очень мокрая. Её выжимать можно. Но даже несмотря на то, что дождь сохранялся в моих вещах, с каждым шагом, я его уже теряла. Он ещё был повсюду, но одновременно, пребывая со мной, он удалялся от меня. Я с такой страстью сдернула капюшон, что чуть не оборвала его. Оставался один грёбанный шаг до туннеля. Шварк.

Ну, конечно, шесть дней он смотрел, как я его не замечая.

И всё стало – вода.

Яблочко

– Посмотри, какое всё синее за окном. Какой синий воздух, какая трава, дороги... Точно картина. Живая. Посмотри, какая прекрасная предгрозовая погода. Посмотри, как деревья ложатся на небо, как изящны и тонки их чёрные ветви. Из почек вот-вот пробьется зелень. Чудо какое. Взгляни скорее сюда.

У окна стояла я и укутывала шею шарфом. Тоже синим, как сегодняшней день. Синие были и часы, висевшие на стенке – мой подарок родителям на золотую свадьбу. Когда покупала, решила: синий и золотой прекрасно сочетаются. Вообще, часы похожи на машину времени, только они работают исключительно в будущем измерении. Не успеешь оглянуться – час прошёл.

Я собиралась на предпоследнюю электричку до столицы, а хотелось до ночи простоять у этого окна, чтобы молчать и смотреть, как всё меняется.

Мама положила мне много сыру. Я сказала, что всю неделю мечтала о сыре, но так и не купила почему-то.

На самом деле, была зима. Асфальтовая дорожка, по которой я шла к вокзалу, была вся в выбоинах, пробоинах, как будто её устлали мороженой рыбой. Твёрдой, холодной треской, с ледышками на плавниках. Уйма всей этой рыбы вывален на асфальт, и я по ней иду.

Я давно заметила, как кричат и как бьётся сердце у прибывающих электричек. Особенно это слышно ранним утром, когда тише. Предрассветно. Кричат они паровозом. А сердце стучит колёсами. Удивительно, что ритм совпадает. Я со своим сердцебиением сравнивала.

Она была длинная и железная, ей было холодно. Окна изо льда. А где-то внутри – стёкла. Голубые сидения только начали топить. Прогревались они медленно. Лампы моргали. Пол грязный. Нет. Пол был из грязи. Всегда почему-то нет особого желания описывать безобразное. Как будто пытаешься перепрыгнуть через километр бетонной стены, покрытой ядовитыми растениями.

Я села у окна, за ним уже давно стемнело, поэтому там было только отражения меня, сидящей в вагоне, а надо мной, в потолке, – моргали лампочки. Внутри и снаружи можно было наблюдать одно и то же. Возможно, кому-то было бы этого достаточно, чтобы сойти с ума. Мир замкнутый изнутри. Кошмар.

Гул.

Гул похож на гол. Потому что после него поезд тронулся, закачался, лампочки утихомирились, в вагоне рассвело. В общем, началось движение. Мы отправились в Москву.

Напротив меня сел пьяный. Выпил он, по всей видимости, бутылочку шампанского без закуски. Но, кажется, ему не привыкать. Перегаром несло сильно, но человек казался слегка выпившим. Может, он просто помылся шампанским, и кое-что попало в рот. Так, брызги.

Сначала я приняла его за бомжа. Машинально поморщилась и даже привстала, чтобы отсесть. Такой аромат вынуждает отойти подальше. Но мужчина меня остановил, причём очень смело. Он взял меня за руку. Я заметила, что даже лампочка на потолке моргнула. Тоже видимо, не ожидая такого поворота событий.

У мужчины интересное лицо, он похож на утёнка. Такого доброго и злого утёнка. В незнакомце как-то сочетаются эти две противоположности, у него в глазах можно прочесть: злое добро и доброе зло. Я ничего не понимаю. Он меня заинтересовал. Я осталась сидеть на месте.

Так вот, он мне сказал, отпустив руку:

– Что смотрите на меня, как на врага народа?! Я замёрз. У вас под сидением печка.

В этот момент он вытянул ноги, и его ботинки спрятались под моим сидением. Потом он улыбнулся и с ухмылкой произнёс:

– У вас очень обаятельное лицо. Вам даже разговаривать не нужно. На вас легко смотреть. Можно я буду любоваться вами?

Вот интересно, как воспринимать неожиданные реплики?!

Я нахмурилась и отвернулась к окну, там я увидела себя нахмуренную и рассмеялась. Мужчина засмеялся вместе со мной и спросил ещё:

– Можно я буду любоваться вами вместе с вами? – прищурил глаза и добавил:

– Только у вас взгляд недобрый...

– Это почему же? – оживилась я.

– Вы знаете, надо зло держать внутри себя, не показывать его...

В этот момент поезд остановился, и в вагон начали заходить люди. Все почему-то обходили нас, садились друг к другу вплотную, только не к нам. Я посмотрела на своего пьяного попутчика и произнесла:

– Согласна.

Вагон оттаивал. Со стёкол по стене к плинтусам стекала вода. И мы сидели в лужах. И в лужах отражался потолок и немножко мы. И мне страшно захотелось весны. Захотелось чувствовать тепло, нюхать другие запахи, видеть много ярких цветов и дышать...

Так интересно, а ведь весной и летом совсем не хочется курить. Сигареты в рот не лезут. Особенно в самую жару, ну, например, сидя под тихтой.

Решила у этого пьяного попутчика выведать большой секрет, сходу попробовать узнать главное:

– А вы кто?

Мужчина, видимо, не ожидал такого вопроса, переспросил удивлённо:

– Кто Я?

Такое ощущение, что давно никто не интересовался им, мужчина растерялся, ответ звучал как шутка:

– Ну, кто я, собственно... У меня два высших образования. По первому я психолог, а по второму юрист. Когда я закончил юрфак, меня отправили в Коми АССР...

Тут он прервался и задумался.

– Вы работаете по специальности? – вопрос, конечно, глуповатый в данной ситуации. По всему видно, что человек, который напротив меня сидит, нигде не работает. А как будто переживает давнюю трагедию. Иногда можно увидеть мысли людей, они у них намотаны на голову. И часто, видя эти намотанные на голову мысли, можно покраснеть от стыда за людей и за их мысли. Мужчина сплюнул на пол:

– Не-а...

– А работали когда-нибудь? – не унималась я.

Он съёжился и помотал головой. Я решила больше не спрашивать об этом, но одновременно усложнить ситуацию:

– С вами трудно разговаривать, потому что вы пьяный...

Он замотал головой и начал повторять:

– Я не пьяный, я не пьяный.... Как вы не понимаете... Я один остался. У меня родители умерли, жена уехала, детей нет... Как отдушина, поэтому пью. Но я не пьяный, потом он замолк на секунду, что-то вспоминал и затем продолжил:

– Вы если по моей душе диссертацию напишите, сразу кандидатом наук станете...

– А почему жена от вас уехала?

Мужчина почему-то снова удивился моему вопросу:

– Потому что я слишком умный.

– А в чём это выразалось?

– Ну, она начала.... – и он сделал жест, означающий «курить и пить».

– А что такое Коми АССР?

– Это лагерь. Я там 17 лет сидел...

– За что?

– Я вам расскажу, если вы мне скажете, как вас зовут...

Я заметила, что у него из кармана куртки торчит горлышко бутылки, и когда незнакомец шевелился, жидкость выплескивалась, края кармана намокали. И мужчина заметил, что я смотрю на его карман. Когда мы столкнулись взглядами, он уже думал о чём-то своём. Медленно, как будто чертя траекторию, он произнёс:

– Сколько всего у вас ещё впереди... Сколько всего ещё у нас впереди, люди.

Люди, люди, люди... Здесь у него какой-то обрыв. «У вас впереди...» Это он про себя чертил....

У меня в горле как будто кусок хрусталя застрял. Я не с того, ни с сего спросила:

– Вы кого-то убили?

Он молчал.

Я машинально отодвинулась ближе к проходу. А он растерянно, спохватившись, и как-то по-детски сказал:

– Только не уходите, пожалуйста. Мне с вами так хорошо...

Я встала и сказала резко:

– Я сейчас вернусь.

В тамбуре было жарко. Меня распяляло. Хотя весь тамбур был белый: двери инеем покрыты, пол по углам ледяной. Три минуты – и у меня окоченели ноги.

В вагоне, в который я попала, сидели одни женщины. Та, что была напротив, грызла яблоко. На ум пришла банальная и точная на этот момент ассоциация: грех. Да не грех это вовсе! Так, прегрешение... молоденькое яблочко. Я пыталась подумать о чём-то отвлечённом, хотелось заглушить новые впечатления о случайном знакомстве. Думала про море. Вспоминала шум волн, вернее, я превращала гул электрички в шум моря. Закрыла глаза,

представила, как я плыву под водой. Там мутно, спокойно и откуда не возьмись, вижу, на дне растут яблони. Вдруг слышу громкий резкий хруст. Открываю глаза – женщина напротив яблоко откусила. В вагон зашли женщины (снова женщины) – контролёры.

А у меня билета нет и денег нет. Мне нужно в тот вагон вернуться. Женщина с яблоком посмотрела на меня и так весело заметила:

– Девушка, не бойтесь вы их так. У вас такое выражение лица, как будто вы атомный взрыв увидели... – и она засмеялась.

Она так дико засмеялась, что я вообще там больше не могла находиться. Я решительно встала и твёрдым шагом пошла назад, в тот вагон, где меня ждал убийца.

В тот вагон шли ещё несколько безбилетников. Пьяные, грязные, немощные.... Я шла вместе с ними, и трудно было сдерживать чувство отвращения, от одного моего вида летели в них колючки. Да уж, как я в тот момент гармонично с ними смотрелась...

Ведь человеку всегда даётся то, что ему надо. Мне ужасно не хотелось снова видеть того мужчину, но мне надо что-то делать с этим чувством. Сровнять его. Мне трудно привыкнуть к обилию зла кругом, но я не могу поощрять зло в себе.

Он спал на лавочке в позе эмбриона и сопел. Бутылка была разбита, стёкла валялись под сидениями. У меня от сердца отлегло. Меня как будто освободили от ответственности. Сказали: «Всё, садись, три. Ясно всё с тобой». Кошмарное чувство.

Оставалось совсем немного до моей станции. Я уже в тамбуре стояла. Очень темно было за окном. Мы проезжали какой-то белый пустырь. Я увидела подряд несколько чёрных столбов. И большой жёлтый фонарь, который качался. И вдруг на секунду мне показалось, что на одном из столбов я увидела распятие. Вот ведь померещится. Я снова всмотрелась в этот столб, и опять там было то же самое. А потом мы столбы проехали. Я подумала: а ведь кому что могло померещиться. Тут множество вариантов. Просто я это увидела. Кому-то мог привидеться повешенный или какое-нибудь животное, к примеру, жираф. Да, мне просто привиделось. Конечно, никого там не было.

Поезд остановился, двери открылись резко и быстро. Пришло на ум: «железная, железная машина». На улице пахло пеплом, похоже где-то жгли бумагу. Я шла по чистому белому снегу. Я первая в мире шла по нему. Он сверкал в темноте. Даже на моих подошвах. И было совсем не холодно. Я слышала, как кто-то идёт за мной. Шагов становилось всё больше, они как будто были смелее. Рой шагов. Я подумала, как важно, по чьим следам идёшь. И ещё я подумала, что хорошо бы у меня была метла, я бы обязательно подмела те зелёные стекла, которые разбросаны под сидением спящего незнакомца. Надо мной каркнула ворона. С дерева упал снег и старенький потрепанный веник.

Совершенно летний

У мамы сегодня день рождения. У нас с ней разница в двадцать пять лет. Мне тринадцать, я уже в седьмой класс хожу. Но не буду обо мне, ведь сегодня мамин день. Я ради этого дня научился блефовать в картах. Мы с Серёжкой постоянно в покер режемся. Взрослая игра. Так я и сам уже давно не ребёнок. Короче, мы с ним на деньги играли, у него отец депутат, поэтому ему их не жалко. А я рискнул, поставил крестик, он из золота, у меня больше нет ничего ценного. Сперва предложил Серёге папкин ремень и «Тома Сойера». Отказался. Говорит, если я продую, папка меня пришьёт, а книжки ему нафиг не нужны, тем более таких допотопных авторов. Мой папа совершенно безобидный, мягкий, он бы меня в жизни не выпорол, только всё-таки Серёга прав, лучше не ставить его ремень, он ведь не мой, он ведь отца моего, хоть бы даже тот и не заметил пропажи. А насчёт книги я с Серёгой не согласен. Книги я люблю, меня мама ими заразила. У нас дома даже старый холодильник под книжный шкаф оборудован.

Крест уже вне опасности. Я выиграл. Мне кажется, нечестная вышла игра. Серёга мне поддался. Он классный. Я таких добрых людей в жизни не встречал. Он просто знал, что я маме хочу цветы купить, помочь мне хотел, вот и поддался. Серёга как-то сказал, что он у своего отца в столе нашёл чертежи разработки нового атомного оружия. Вот наивный. Разве такие документы разбрасывают? Не может этого быть.

Как я рад, что теперь сам, на свои деньги, могу покупать маме цветы. И это не сигареты, которые продают только совершеннолетним. А я и есть *совершенно* летний. Меня мама в самый разгар лета родила. В этот день, в июле, всегда солнечно, и ни разу в жизни дождя не было или какой-нибудь там хмурой погоды. Я *совершенно* летний.

Взял ей облачко разноцветных гвоздик. Самый настоящий весенний подарок. Иду довольный и важный, прохожу мимо рыбного. У этого допотопного магазина забавная история. Там сначала мясо продавали, потом товары для детей, теперь рыбу. Причём хозяин у этой торговой лавочки никогда не менялся, он просто интересы менял. Он ныне вегетарианец с тремя детьми, любящий рыбалку. Мне Серёга рассказывал. Он тут про всех всё знает, говорит, у отца личное дело заведено чуть ли не на каждого нашего горожанина. Я не верю, мне кажется, так не может быть.

У рыбного двое ребят стоят. Неформалы, один в косухе, с волосами до плеч, у другого рыжий чуб. Я с такими всегда дружить мечтал. Они в нашей школе учились, теперь в институте. Но так и остались чокнутыми. Стоят со смешной табличкой из мятой картонки, как у бродяг. «На Захват Мира» собирают. Сами ржут постоянно. Прохожие мимо разные ходят, кто улыбается, кто морщится. А я завидую. Вспомнил, что у меня пятак где-то завалялся. Мама мне его на лоб прикладывала, каждый раз, когда шишка

вырастала. По всем карманам ищу, найти не могу. А ребята уже заметили, ждут, что я деньги вытащу. Чёрт! Потерял, что ли. Мне даже неловко стало. А они мне машут рукой, мол, иди сюда. Говорят, они так на сигареты и какао собирают. Говорят: «Давай, с нами!» Я обалдел! Мне?! Меня?!

Духота в воздухе. Как будто туча в небе сейчас надуется и лопнет. Мне нужно торопиться, потому что я к маме иду. Я ребятам всё равно помог. Мы решили, что Захват Мира без цветов недействителен. Теперь из нагрудного кармана студента с чубчиком, выглядывает пушистый бутон гвоздики. Оранжевый, как апельсины. Моя мама корочки апельсиновые всегда засушивала, а я их грыз. Горькие, их много нельзя.

Я цветы свои обнял, всю охапку, о маме вспомнив, только чувствую, что-то давит сверху. Смотрю наверх в небо. Ё-моё, что там твориться! Мутно-то как. Погода портится. Темнеет среди бела дня, как перед грозой. Не дай Бог, сейчас ливанёт. Я зонт не взял. Дурак, меня ж отец, предупреждал... Ну вот, первые позывные... Асфальт стал в крапинку. Если я сейчас побегу, то может, и успею через площадь перебежать. Если ливанёт, то моментально промокну, буду рубашку выжимать, как в прошлые выходные. Не дождичек, а целый потоп тогда хлынул.

Ого!

Как громыхает. На бегу рубашку расстёгиваю и цветы к телу прижимаю, в рубашку укутываю. Я их сохранию, я сохранию их, в целостности маме принесу.

Нет, надо было в магазине переждать дождь, теперь точно – до нитки вымокну. Какао... Ничего, найду какую-нибудь другую крышу.

Вижу в хрущёвке дверь одного из подъездов приоткрыта. Странно, ведь сейчас почти везде кодовые замки навешали. Подхожу ближе. А там, в дверном проёме, рыжий кирпич всунут. Повезло-то как. Ныряю внутрь, в темноту, пахнущую затхлым паром. Дождь шумит. За спиной дверь из дождя. Льёт, как сумасшедший. Вдруг слышу, как будто кто-то дышит... Рядом. Совсем рядом. Я смотрю в темноту и ничего не вижу. Осторожно поднимаюсь по ступенькам. Вверх голову поднимаю, и на меня падает свет. Такой нежно-жёлтый, как лимонная мякоть.

Что-то творится около почтовых ящиков. Слышу там дыхание, и всё стучит, как будто много сердец сразу, только громче.

Мерцает лучик и солнечные зайчики бегают. Она трепещет. От него. А он как будто в неё... весь в неё устремлён. И стёкла дребезжат и ездят всё кругом. Господи, какая она красивая. Я никогда не видел таких красивых. И как будто она вся поёт беззвучно и дышит, дышит... Вся вздымается. Дождь шумит. Она дышит. Извивается, как будто лететь пытается. Какая она красивая. Я несколько цветов вытащил и для неё на ступеньке оставил, потому что она самая красивая. Я чуть не отдал ей все цветы, такая она красивая. Больше...

Я уже не мог там находиться. Я что-то понял. Мне хотелось тоже летать, поэтому я бежал в дождь. У сердца держал цветы. И несколько дождинок

падали в цветы. И очень хотелось жить. Ничего другого не хотелось, только жить хотелось.

Зелёный свет. Свет.

Я перебежал площадь, осталось совсем немного. Запрыгнул в троллейбус. Еду, смотрю в окно на улицу. Дождь заканчивается, а я всё не могу её забыть. Она, как огонь, вся горит перед глазами и не исчезает.

В троллейбусе начинается волнение. Усталая, худая женщина с пакетами, набитыми детским питанием, случайно поставила один пакет на ногу дедушке с больными, опухшими ногами. Дедушка ворчит, произносят протяжное «с-с-с-с-с-с...» и корчит лицо. В троллейбусе воздух спёртый. Дышать невозможно. Дождь прекратился, солнышко выглянуло. Кондуктор не может добиться билета у подростка, который притворяется дауном. Женщины из прошлого – ископаемые, застрявшие в советском времени, коммунистки в платках, в платьях до колен, с крепкими руками орут про труд, тунеядство и невоспитанную молодёжь, которая «нынче пошла». Я сейчас умру в этой консервной банке. Люди потные, беспокойные. Злятся. В них залежи не востребованной энергии, которая оборачивается нетерпимостью. Двери открываются. Свобода.

Лечу по проспекту. Думаю, что уже про цветы не думаю. Мне их хочется всем раздать. Подойти к каждому отдельно, по плечу погладить, успокоить, сказать: Всё в порядке!.. Мама, мама! Где ты? Мама, слышишь, Она такая прекрасная, та девушка из грязного подъезда!

Какое небо красивое. Помнишь, ты мне первый раз, когда «Тома Сойера» читала, мы тогда на траве валялись в деревне, там похожее небо было. Как сейчас это состояние помню – счастье. Мама, где ты?!

Женщины недалеко от тебя торгуют помидорами, укропом, петрушкой, луком и малосольными огурцами. Разложили на коробках, сидят, ждут. Сутулые, угрюмые. У них фартуки грязные, как будто они картошкой торгуют. Они уже такие старые, как будто всё в жизни повидали. Почему у них такие глаза опустошённые!? Вот и ворота.

Я почти у тебя.

Памятник накренился. Сегодня твой день, посмотри какой он совершенно весенний, как из наших сказок. Мама, папа так поник без тебя, но ты не волнуйся, я не пропаду. Я Серёгу ещё пару раз обыграю, и ограду тебе поставим. Будешь защищена.

Стою тут с пустыми руками над твоей могилой. Я не плачу, я уже большой, я твою землю глажу. Прости, мама, я все цветы растерял.

...Ты ведь так меня учила.

Когда я возвращался домой, впервые в жизни думал не о маме, а о другой женщине. О той вздымающей птице, которая пылала в подъезде.

Стакан сока

Роберт сидел за столиком в кафе на улице. Воздух был удивительно свеж и чист. Ветерок, внезапно усилившись, как будто проявил волю и опрокинул стакан сока, оранжевая жидкость разлилась по столу, а стакан укатился на край, но Роберт успел его поймать. В задумчивости он всё на свете может проморгать, подумал Роберт. Вот теперь снова придётся покупать сок и снова платить. Только он об этом подумал, как подошёл официант, который видел, что произошло, но, оказывается, ветер в этих краях имеет некую привилегию, поэтому Роберту принесли ещё один стакан сока совершенно бесплатно. Но его попросили зайти внутрь кафе, так как прогноз погоды обещает, что ветром дело не кончится. Роберт торопился, поэтому придумал вот что. Залпом выпил стакан апельсинового сока прямо на глазах официанта и поставил пустой стакан ему на поднос. Затем расплатился и ушёл. Потемнело, но дождя так и не было. Вскоре солнышко разогнало внезапную темноту, даже настроение вдруг чуть-чуть улучшилось.

Роберт разоблачил свою жену. Но она пока об этом не знает. Всю дорогу он размышлял об этом и кое-что вспоминал, да-да, всё именно так, он хорошо знает её, и не трудно было догадаться о том, что она решила. Перед ним снова предстало кафе со столиками на улице. Погода позволяет. Значит, можно сделать ещё одну попытку. Роберт развернул меню. Есть он точно не будет. Не до еды.

Официант, улыбаясь, принёс стакан сока. Роберт пил медленно, пробовал его как вино, угадывая сорт яблок, примерное время сбора. Роберт сосредоточился на деле и даже забыл о жене. Делая последний глоток, он увидел небо. Над головой пролетал самолёт, достаточно низко. Кажется, где-то поблизости взлётная полоса. Роберт подумал, что в этот самый момент, но в другом времени, он сейчас летит в самолёте. Официант подошёл бесшумно, немного даже напугал. Он сказал по-испански что-то типа «закройте рот, а то ворона залетит». Думал, что Роберт его не понимает, но Роберт знал испанский, он сделал вид, что ничего не слышал, кроме бормотания на непонятном языке. Это немного подняло ему настроение, он сердечно поблагодарил за яблочный сок, расплатился и пошёл дальше. И снова не мог не думать о жене. Сотни счастливых дней и ночей. Роберт до последнего верил, что ничего страшного произойти не может. Да и сейчас, вопреки логике, он, скорее всего, так думает, потому что не привык иначе и может, поэтому ему не так тяжело. А вдруг всё-таки она решила уйти от него? Сердце, нарисованное на двери следующего кафе, поманило как правильное решение.

Роберт сел на диванчик у окна и заказал ананасовый сок, который пил с превеликим удовольствием, потому что любил ананасы. Неожиданно к нему подседа девушка. Красивая – светловолосая и зеленоглазая.

– Привет.

Роберт невольно улыбнулся:

– Вы что-то хотели?

– Меня зовут Уолли. Мне нужно... – она запнулась, – кое-что вам сказать. Меня ещё нет, но когда-нибудь я буду в вашей жизни, и она станет такой... как мечта.

Роберт молчал. Девушка встала и ушла, он посмотрел в окно и увидел, что из кафе никто не вышел. Перед ним стоял выпитый стакан сока. Как будто время в эти две минуты было другим. Может, ему что-то подсыпали в стакан? Может, слишком много сока он выпил? Роберт смотрел на прохожих. И его охватила тоска, он почувствовал какое-то ошарашивающее одиночество, неведомое ему раньше. Следующие тридцать пять минут он шёл, куда глаза глядят, и пришёл к дому. На его улице стоял фургончик, где продавали напитки, он купил виноградный сок в пластиковом стаканчике, немного из-за того, что он похож на вино. Хотелось выпить. Сок был разведённый. Роберт его не допил, потому что этого бы не выдержал его мочевого пузыря, и пошёл домой. Роберт подошёл к одному из апельсиновых деревьев в собственном саду и сорвал несколько спелых апельсинов. Затем срезал гроздь винограда и зашёл в дом. У него на кухне была лучшая в мире соковыжималка. Сначала Роберт ходил в туалет, который на несколько минут сделал его счастливым, потом хорошо вымыл руки, надел резиновые перчатки и фартук, вымыл апельсины и выжал сок. Выпил с удовольствием. Роберт набрал номер жены и сказал, что у него есть замечательная идея поставлять соки в кафе. Что так они смогут заработать много денег, ведь он в этом разбирается, и он уверен, что спрос будет хороший, потому что то, что продают в кафе – не настоящий сок...

– Роберт, я должна тебе кое-что сказать...

Роберт вздохнул.

– Прости, что я столько времени молчала. Я не знала, как сказать. Но теперь уже поздно что-либо менять. Я беременна. Если родится девочка... хочу назвать её Уолли. Как ты на это смотришь?.. А с соками – отличная идея. Просто класс.